

О тяжелом положении в областном противотуберкулёзном диспансере газета «Голос Биробиджана» уже сообщала в № 15 от 20 апреля 2016 года. Наши читатели, по-видимому, обратили внимание, что в статье «Область печальных рекордов» не приведена официальная позиция управления здравоохранения ЕАО о том, почему для больных открытыми формами туберкулёза вовремя не были закуплены препараты четвертого и пятого режимов. Редакция газеты попросту не получила своевременного ответа на этот вопрос от областных чиновников.

Между тем как только факты о вопиющих нарушениях прав пациентов противотуберкулёзного диспансера стали известны газете «Голос Биробиджана», я незамедлительно связался с начальником управления здравоохранения Алексеем Синельниковым. Весь четверг, 14 апреля 2016 года, он находился на совещаниях. В конце рабочего дня мне наконец-то удалось застичь Алексея Эдуардовича на выходе из областного правительства. Я рассказал ситуацию, попросил комментарий, но руководитель здравуправления предпочёл получить официальный редакционный запрос. Менее чем через час бумага была зарегистрирована в приёмной управления и тут же передана лично в руки господину Синельникову. Однако ответ не поступил ни в предусмотренный законом семидневный срок, ни спустя две недели.

В пятницу, 29 апреля, когда время отработки запроса давно истекло, я явился в управление здравоохранения с твёрдой решимостью получить необходимые сведения. В приёмной в очередной раз пожимали плечами и разводили руками. Правда, господин Сенельников на сей раз находился на рабочем месте. Принимать представителя прессы он, как и следовало ожидать, не соизволил и через секретаря перенаправил меня к своему заместителю. Я же посчитал, что любой журналист достоин лучшего обращения и зашел в кабинет господина Синельникова, что называется, явочным порядком. Диалог

между нами, думаю, покажется читателю небезынтересным:

Я: – Алексей Эдуардович!

Алексей Синельников: – Уважаемый, пожалуйста, в коридор выйдите!

Я: – Ничего страшного. Почему вы не хотите нам отвечать?

А. Синельников: – Я прекрасно понимаю. Еще раз говорю: выйдите...

Я: – Почему вы не хотите нам отвечать? Мы вам ещё 14 апреля направили запрос. Что за отношение к прессе?

А. Синельников: – Отношение великолепное, зря вы так говорите. **Диктофон свой выключайте, который в кармане у вас лежит... Вы должны с моего разрешения записывать нашу с вами речь. Когда я вам разрешу, позволю это сделать, а никак не по-другому!**

Я: – Вы находитесь на службе, насколько я понимаю. В публичном месте!

А. Синельников: – Да я прекрасно понимаю...

Я: – Будет ли ответ на запрос?

А. Синельников: – Будет!

Я: – Когда он будет?

А. Синельников: – Я не могу сказать, потому что не помню, кому я отписал его, и секретарь мой тоже. У нас делопроизводство немножко хромает...

Я: – Как это вы не помните?

А. Синельников: – Я помню, что вы меня встретили перед выходом из правительства области...

Я: – И вы мне обещали дать ответ на следующий день.

А. Синельников: – Я уезжал, если вы помните, в Москву. Меня вместе с губернатором вызывала госпожа Голодец
(заместитель председателя Правительства РФ – прим. ред.).

Я: – Мы уже неделю ходим и не можем получить никакого удовлетворительного ответа. У секретаря запроса нет, вы то помните, то не помните, то делопроизводство у вас хромает. Вы ответьте мне по существу. Согласован ли вопрос о...

А. Синельников: – Вот вы знаете, я, конечно, понимаю, хамство...

Не окончив фразу, господин Синельников встаёт из-за стола, выходит в приёмную и назидательным тоном, как мне показалось, инструктирует секретаря о порядке записи к нему на приём. Отвечать по содержанию запроса он лично, несмотря на своё «великолепное отношение» к прессе, так и не захотел. Ведь Алексей Эдуардович не ожидал такого «хамства». Целых две недели не ожидал! Тянуть резину и прятаться за дверьми своего кабинета – это, безусловно, образец любезности. А вот вопросы от

журналиста – это хамство.

После небольшого замешательства в приёмной мы договорились, что официальный комментарий от управления здравоохранения области даст заместитель начальника отдела лекарственного обеспечения Наталья Матафонова. Разговор продолжился в её кабинете.

Я: – В какой стадии сегодня находится вопрос о закупке препаратов для больных с открытой формой туберкулёза?

Н. Матафонова: – На сегодняшний день этот проблемный вопрос решается. По соглашению, заключенному между нами и Минздравом, мы получили финансовые средства в размере 8 млн 27 тысяч рублей. Деньги поступили в субъект 22 апреля. По состоянию на 28 апреля управлением здравоохранения объявлено два аукциона на поставку лекарственных препаратов для лечения туберкулёза. Это препараты «Левифлоксацин» и «Пара-аминосалициловая кислота» на сумму 2 млн 600 тысяч рублей...

Если в этом году Москвой нам выделено 8 млн 27 тыс. рублей, то в прошлом году эта сумма была около 10 млн руб., а два года назад 12 млн. руб.

Я: – А почему вопрос решен именно 22 апреля, когда год, как известно, начинается 1 января?

Н. Матафонова: – Вы нас спрашиваете, почему деньги так поздно пришли? Этот вопрос, наверное, надо задать Министерству здравоохранения. По соглашению на 2016 год мы деньги должны были получить в течение полугода. Они могли прийти и в июне месяце. Спасибо, что пришли 22 апреля.

Я: – А соглашение когда было заключено?

Н. Матафонова: – В январе месяце.

Я: – Все-таки четвертый и пятый режимы лечения характерны для больных с открытой формой туберкулёза. В такой ситуации, если вовремя не оказать помощь, эти люди могут попросту умереть. Как так получается, что для решения вопроса о финансировании лекарственных закупок даётся такой большой промежуток времени?

Н. Матафонова: – Ну, я хочу сказать, что эти вопросы надо задавать главному врачу тубдиспансера, почему сложилась такая ситуация. Я со своей стороны могу пояснить: <...> «Левифлоксацин» в 2015 году у противотуберкулёзного диспансера отсутствовал. То есть мы в 2015 году этот препарат не закупали. «Пара- аminosалициловую кислоту» мы купили по заявке противотуберкулёзного диспансера. Препарат поступил в конце декабря 2015 года и закончился в марте месяце. Каким образом расчёты производились, каким образом они были нам предоставлены, – эти вопросы надо задавать противотуберкулёжному диспансеру. То есть мы на себя такую ответственность взять не можем, потому что лечением туберкулёзных больных занимаются врачи фтизиатры, которые ведут этих пациентов и которые должны правильно рассчитывать дозировку препарата и правильно делать заявки. На основании этих заявок мы проводим процедуру торгов...

Я: – К врачам можно предъявлять претензии сколько угодно, но деньги на 2016 год поступили только в конце апреля.

Н. Матафонова: – У врачей проходила определенная учеба, и наши врачи знают об этом. На беседе с главным фтизиатром Дальнего Востока было озвучено, что при составлении заявки на текущий год они должны учитывать остаточное количество препаратов на последующий год до тех времен, пока не придут деньги по соглашению. То есть в 2015 году должна была быть составлена заявка и закуплены препараты таким образом, чтобы у нас был остаток на первое полугодие 2016 года, что не было сделано. Расчёты были произведены неправильно.

Я: – А откуда будет остаток, если с каждым годом финансирование сокращается на 2 млн рублей.

Н. Матафонова: – Я вас понимаю, но этот вопрос надо задавать Минфину, откуда такое решение, что надо снижать финансовые средства. Может быть, это связано с финансовыми проблемами в нашей стране.

Я: – Получается, главный фтизиатр говорит, что вы должны делать запасы, но при этом федеральный бюджет такой возможности не даёт.

Н. Матафонова: – Противотуберкулёзным диспансером была сделана заявка в основном не на лекарственные препараты, а на диагностические средства... Поэтому лекарственных препаратов на 2016 год практически нет. Вместо «расходников» надо было закупить лекарственные препараты, если бы была составлена правильно и грамотно заявка.

Я: – А если бы еще федеральные деньги для тяжелобольных приходили не в апреле...

Н. Матафонова: – Я еще раз повторю: этот вопрос не к нам, а к Минфину.

Я: – А вы, со своей стороны, пробовали объяснить Минфину, что выделять деньги для больных с открытыми формами туберкулёза в апреле месяце это неправильно?

Н. Матафонова: – Ну, у меня, во-первых, нет таких полномочий. Во-вторых, если федеральное законодательство так составлено и известно, что в первом полугодии, возможно, не поступят эти деньги, то как-то можно заранее это было спланировать...

Уважаемые читатели, вы уловили позицию Натальи Евгеньевны, которую господин Синельников как настоящий джентльмен отправил отвечать на вопросы нашей газеты? Красной нитью через её комментарии проходит мысль о том, что региональное здравуправление абсолютно ни в чём не виновато. Есть много вопросов к Минздраву и Минфину, не справляется со своей работой главврач тубдиспансера, врачи фтизиатры оформляют неправильные заявки, а управление здравоохранения, оказывается, святее папы римского! Ведомство функционирует то ли на Луне, то ли в другой галактике, и проблемы областной медицины его совершенно не волнуют?

А кто же, как не чиновники управления здравоохранения, заключает с Минздравом соглашение о выделении средств на закупку противотуберкулёзных препаратов четвертого режима? Кто его подписывает? И почему в документе присутствует нелепая норма о полугодовом сроке приобретения лекарств для тяжелобольных? Чтобы как можно больше из них умерло, не дождавшись надлежащего лечения? Это такая государственная установка?

Мне также непонятно, на основании чего чиновники от здравоохранения ежегодно соглашались на сокращение финансирования на закупку указанных препаратов в то время, как Еврейская автономная область стабильно входит в пятёрку регионов с самой высокой заболеваемостью туберкулёзом? С губернатора пример берут? Господин Левинталь позволил Минфину обкорнать областной бюджет, а господин Синельников, чтобы не выпасть из общей тенденции, разрешает экономить на больных туберкулёзом? Что это за экономия такая на здоровье людей?

Для меня совершенно очевидно, что с подобным отношением к проблемам области у нынешних руководителей нет политического будущего. Мы могли бы простить чиновникам правительства ЕАО чёрствость, но безответственного отношения к государственным финансам мы не простим никогда. На мой взгляд, если слуга народа не способен отстаивать общественные интересы, в том числе перед высшими московскими инстанциями, то ему не место во власти.

Владимир САХАРОВСКИЙ